

англиканахъ и недостатокъ личнаго знакомства съ опытомъ церковной жизни Англиканской церкви. То немногое, что было извѣстно объ Англиканствѣ, черпалось изъ книгъ и носило поэтому отвлеченный и нежизненный характеръ.

3) Наконецъ, со стороны православныхъ во всѣхъ переговорахъ участвовали только отдѣльные богословы, принадлежавшіе преимущественно къ Русской или къ греческой церкви, а широкія массы клира и мірянъ никогда не привлекались къ участию въ этомъ дѣлѣ.

Эти выводы показываютъ, что дальнѣйшее сближеніе между Православіемъ и церквами, находящимися въ общеніи съ архіепископомъ кентерберійскимъ, не осуществимо безъ измѣненія методовъ работы. Вопросъ о соединеніи долженъ быть вынесенъ изъ узкихъ границъ замкнутыхъ богословскихъ комиссій и отданъ на обсужденіе широкихъ круговъ клира и мірянъ всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей. Современные представители Правосла-

вія, ведущіе переговоры съ англиканами, чувствуютъ отсутствіе опоры въ церковномъ обществѣ и поэтому лишены возможности говорить съ авторитетомъ, отъ лица всей Церкви. Они поэтому принуждены всегда занимать ту уклончивую позицію, которая стала традиціонной во всѣхъ сношеніяхъ между Православіемъ и Англиканствомъ. Поэтому первая задача, стоящая сейчасъ передъ православными, заключается въ освѣдомленіи широкихъ круговъ клира и мірянъ о жизни современнаго сѣвернаго католицизма, освѣдомленіи, сопровождаемомъ при этомъ, по возможности, непосредственнымъ опытомъ живой личной встрѣчи съ представителями Англиканской церкви.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучителенъ опытъ, продѣланный въ послѣдніе годы. Богословскій Институтъ въ Парижѣ и Русское Студенческое Христіанское Движеніе взяли на себя инициативу по изученію Англиканства.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Зерновъ.

„Послѣднее цѣлованіе“.

(Сказано у гроба о. Александра Ельчанинова 27. IX. 1934).

Мы собрались у гроба о. Александра, чтобы еще разъ помолиться о томъ, кто всегда былъ вѣрнымъ и горячимъ другомъ нашего Русскаго Студенческаго

Христіанскаго Движенія. И мнѣ хочется сказать сейчасъ нѣсколько словъ о его духовномъ обликѣ, которымъ онъ привлекалъ къ себѣ нашу любовь, сказать о

немъ, какъ о человѣкѣ, о пастырѣ, о другѣ молодежи, и прежде всего о его отношеніи къ Движенію.

Въ Движеніи о. Александръ видѣлъ не только христіанское объединеніе русской молодежи. Онъ видѣлъ въ немъ нѣчто большее — Собираніе и Собрание живыхъ, вѣрующихъ силъ Церкви, всѣхъ тѣхъ, для кого Христіанство является не простыми словами, не одной только привычной традиціей или формою быта, а дѣйствительною жизнью.

О. Александръ всегда интересовался жизнью Движенія, внимательно слѣдилъ за самыми мелкими ея подробностями, жилъ радостями и горестями Движенія. Онъ говорилъ, что всякое удаленіе отъ работы Движенія онъ считаетъ для себя прямымъ „духовнымъ убыткомъ“. Онъ былъ однимъ изъ любимыхъ и постоянныхъ участниковъ Съездовъ Движенія во Франціи. Эти съезды особенно его привлекали. Онъ отзывался о нихъ съ большою любовью, особенно о первыхъ Съездахъ. Послѣдніе съезды уже не такъ его удовлетворяли. О первыхъ съездахъ онъ говорилъ, что они напоминаютъ ему атмосферу христіанскихъ собраній первыхъ временъ Христіанства: въ нихъ вѣяла благодать Духа Божія, совершались чудеса духовнаго преображенія и воскресенія. Присутствіе о. Александра на съездахъ было праздникомъ для молодежи. Онъ умѣлъ подходить къ ней просто и сердечно, внимательно и вдумчиво, захватывалъ ее своими серьезными, глубокими, но простыми и понятными бесѣдами. Особенно глубокое

впечатлѣніе оставляли его проповѣди передъ исповѣдью.

Такимъ же незамѣнимымъ и любимымъ участникомъ былъ онъ и въ лѣтнихъ лагеряхъ молодежи, гдѣ его всегда ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, и встрѣчали съ большою радостью. Онъ умѣлъ говорить съ молодежью о самыхъ глубокихъ и серьезныхъ предметахъ простыми и понятными словами. Мнѣ пришлось слышать его бесѣду о тщеславіи, которую онъ велъ съ молодыми дѣвушками, и меня поразило, съ какимъ вниманіемъ и удовлетвореніемъ онѣ слушали его. Но при всей его простотѣ, доступности и близости къ молодежи, молодежь всегда чувствовала высоту его внутренняго духовнаго устроенія, и сама какъ то духовно возвышалась, тянулась за нимъ.

У себя въ Ниццѣ о. Александръ все время велъ кружковую духовную работу съ молодежью.

Каковъ былъ духовный обликъ о. Александра? Христіанство было для него, по его словамъ, не „разсужденіемъ о божественныхъ предметахъ“, а самою жизнью, и прежде всего жизнью внутреннею, духовною. Богословіе теоретическое его не захватывало. Его вниманіе было обращено на внутреннее зло въ душѣ человеческой, на проявленіе себялюбиваго „я“, отъ котораго омрачается и искажается все доброе въ человѣкѣ. Самъ онъ неустанно боролся съ этимъ внутреннимъ зломъ въ себѣ самомъ. Поэтому въ немъ всегда преобладало, какъ онъ самъ говорилъ, сознание своей грѣховности и покаянное чув-

ство надъ чувствомъ „Славословія“.

Покаянные каноны ему были ближе и понятнѣе акаѳистовъ. Онъ говорилъ, что онъ еще „не доросъ“ до „акаѳистовъ“. У него была потребность частой исповѣди. Онъ исповѣдывался почти каждый мѣсяць, но исповѣдывался бы и чаще, если бы не стѣснялся обременять своего духовнаго отца. Его любимымъ и ежедневнымъ чтеніемъ была аскетическая литература. Особенно онъ любилъ творенія преп. Іоанна Лѣствичника, Исаака Сирина, Симеона Новаго Богослова. Онъ считалъ это чтеніе, а также чтеніе житій святыхъ главнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ въ нашихъ условіяхъ для поддержки нашей вѣры и любви.

Присущія о. Александру смиреніе и непритязательность позволяли раскрываться въ немъ дару разсужденія и любви къ людямъ, такъ какъ ничто такъ не ослабляетъ въ человѣкѣ этихъ дарованій, какъ сосредоточеніе жизни на себѣ самомъ, на своемъ „я“. О. Александръ интересовался людьми и ихъ жизнью. Къ своимъ духовнымъ дѣтямъ онъ относился съ нѣжною любовью и заботливостью, входилъ во всѣ подробности ихъ жизни, личной и семейной, горевалъ и радовался съ ними, и этимъ вызывалъ съ ихъ стороны горячую отвѣтную любовь и благодарность, которая такъ ярко проявилась во время его тяжелой болѣзни и послѣ смерти.

Объ о. Александрѣ, какъ о педагогѣ, я хочу только сказать, что міръ дѣтей и юности былъ для него роднымъ, своимъ

міромъ. Въ этомъ мірѣ — и онъ любилъ, и его любили. Между нимъ и молодежью не было преграды.

Онъ не стоялъ здѣсь на каѳедрѣ, не поучалъ. Онъ просто жилъ одною жизнью съ дѣтьми и юношествомъ, интересовался ихъ внутреннимъ міромъ и, незамѣтно для нихъ и для самого себя, поднималъ ихъ до своего духовнаго уровня. И это выходило просто и естественно.

Въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія онъ считалъ программы дѣломъ третьестепеннымъ. Первостепенное значеніе онъ придавалъ благодатной средѣ — Церкви, Семьѣ. На второмъ мѣстѣ онъ ставилъ личность преподавателя.

Большую утрату понесли въ лицѣ умершаго о. Александра и наша церковь, и общество, и школа, и движеніе. Онъ еще далеко не раскрылъ всего внутренняго богатства своего духа. И многое, высказанное имъ, остается еще скрытымъ въ его письмахъ, дневникахъ и замѣткахъ. И только тогда, когда они будутъ напечатаны, мы увидимъ, какъ накоплялся въ немъ большой духовный пастырскій и педагогическій опытъ, духовная мудрость, — отъ которой вѣяло духомъ русскаго старчества, яснаго, свѣтлаго, радостнаго, исполненнаго простоты, смиренія и любви.

Послѣдніе дни жизни о. Александра были такъ необычайны. Господь, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, извлекъ его изъ его скромнаго Ницкаго пребыванія, и высоко поставилъ его на свѣщницѣ главнаго Храма нашей

Епархіи, *) какъ бы для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе всей Церкви и здѣсь, на этомъ жертвенникѣ, поразилъ его, какъ новаго Іова, тяжкою продолжительною болѣзнію, дѣлая его какъ бы участникомъ Своего Голгофскаго Креста. „Его же любить Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, его же приѣмлетъ“ (Евр. XII, 6).

Зачѣмъ это нужно было? Мы не смѣемъ объ этомъ ничего думать, но принимаемъ съ покорностью святую волю Божию.

Нѣтъ большой славы, какъ быть участникомъ Креста Господня, вмѣстѣ съ Господомъ понести крестъ страданій. И этой славы удостоился о. Александръ.

Союзъ любви нашего Движенія съ о. Александромъ не долженъ порываться и послѣ его смерти.

*) Передъ самой смертью о. Александръ Ельчаниновъ былъ назначенъ священникомъ кафедральнаго собора въ Парижѣ.

Его духовный обликъ не долженъ быть забытъ Движеніемъ. Онъ долженъ всегда свѣтитъ намъ своимъ чистымъ, прекраснымъ свѣтомъ, и освѣщать намъ тотъ путь, которымъ мы рѣшили идти.

Но наша связь съ умершимъ не должна быть только духовная и молитвенная. Она должна закрѣпиться въ какомъ то добромъ дѣлѣ въ память покойнаго, въ которомъ запечатлѣлись бы и наша любовь къ нему и наша благодарность.

Въ чемъ должно заключаться это конкретное, практическое дѣло, объ этомъ Движенію слѣдуетъ безотлагательно подумать.

Аминь.

Духовный Руководитель
Р. С. Х. Д.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

27. IX. 1934.

День Воздвиженія
Креста Господня.

Въ память усопшаго.

У Р. С. Х. Движенія во Франціи возникла мысль, что необходимо запечатлѣть свою любовь къ покойному путемъ обезпеченія для его дѣтей возможности получить образованіе. Движенцы рѣшили собрать средства на стипендіи для дѣтей покойнаго, сдѣлавшаго такъ много именно для дѣтей и юношества. Глубоко вѣримъ, что Р. С. Х. Движенія всѣхъ странъ откликнутся на это начинаніе и помогутъ Р. С. Х. Движенію во Франціи осуществить задуманное.

За справками обращаться къ М. П. Толстой. На ея же имя направлять и пожертвованія: Madame M. Tolstoj, 10 Bd Montparnasse. Paris. 15^e, France.